

Содержание

I. КОНЕЦ ИСТОРИИ

1. Поздний Рим	19
2. Крах	59
3. Признаки жизни	101
4. О землянках, урнах и изотопах	138
5. О гладе, мече и огне	185
<i>Хронология I: 350–500</i>	219

II. ПОСЛЕ ИСТОРИИ

6. Частное предпринимательство	231
7. Имущество и принадлежность	278
8. Территории	320
9. Горизонты	357
<i>Хронология II: 500–635</i>	398

III. ПЕРВОЕ КОРОЛЕВСТВО

10. <i>Duces bellorum; milites Christi</i>	409
11. Династии	447

12. Верховные правители	485
13. Богоданные короли	519
Благодарности	556
Приложение	559
Примечания	567
Библиография	589
Фотоматериалы	607

I

КОНЕЦ ИСТОРИИ

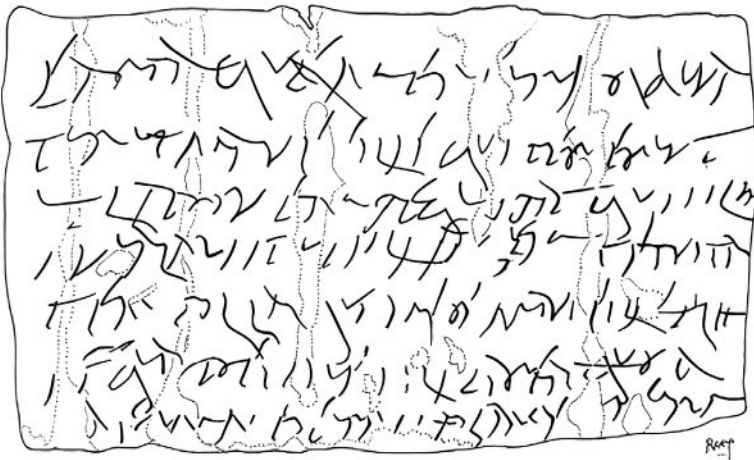
Несомненно, Британия... была той территорией, которую государству терять не следовало бы: столь обильны ее урожаи, столь многочисленны пастбища, которыми она гордится, столь разнообразны металлы, жилы которых по ней проходят, такое богатство приносят ее налоги [1].

Эмений. Панегирик Константину, II.I

1

Поздний Рим

*Фрагменты. – Солсберийская равнина. – Земледельцы. –
Цивитаты. – Гильда Премудрый. – Ультраримские
бритты. – Крах. – Области римской Британии. –
Границы империи. – Стони-Грейндж*

«Полоска свинца, поднесенная Меркурию, чтобы тот отомстил за потерянные перчатки: пусть он отнимет кровь и здоровье у того, кто их украл, пусть он даст то, чего мы просим у бога Меркурия... как можно скорее тому человеку, который забрал эти перчатки» (табличка с проклятием № 80). Перевод латинской надписи со свинцовой таблички из храма Меркурия, раскопанного в 1978 г., Вест-Хилл близ Ули, Глостершир

Британская римлянка нацарапала проклятие вору, который украл ее перчатки. Заплатив храмовым жрецам или их помощникам, она бормочет последнее проклятие, обращаясь к богу — покровителю святилища, прибывает табличку, которая отражает ее надежду на отмщение, к деревянному столбу — некой доске объявлений для богов — и отправляется восвояси, веря, что ее врага постигнет какое-то несчастье. Мы не знаем ни ее имени, ни имени вора. Мы ничего не знаем об обстоятельствах, при которых перчатки были украдены — или потеряны, — как и о том, достигло ли ее проклятие цели или нет.

Машины времени не существует: мы не можем отправиться в прошлое и расспросить наших предков. Прошлое лежит как обрезки пленки, брошенные на полу в монтажном кабинете киностудии. Соедините эти обрезки в каком-то порядке — и вы увидите отрывочную бессвязную историю с нелепыми действующими лицами, с обрывками вновь и вновь повторяющихся песен из полужнакомого саундтрека... Вы разъединяете кусочки, скрепляете в другой последовательности, сматываете на катушку, заправляете в проектор, и там плывут титры, опять... и опять. С тем же успехом можно пытаться воссоздать дерево по его листьям или океан по каплям воды из протекающего водопроводного крана. Столь многое утрачено. Истина — это химера.

От тех двух веков истории Британии, что последовали за начавшимся около 400 года кризисом, предварявшим крушение Западной Римской империи, остались лишь крошечные фрагменты. Невозможно составить из них ясную последовательность, чтобы рассказать историю тех

бурных, загадочных времен — историю того, как в Британии возникли первые королевства раннего Средневековья. И тем не менее гора фрагментов, собранных исследователями за последние десятилетия, поражает своими размерами. И даже если исходный сюжет восстановить не удастся, стало возможно увидеть сцену, на которой игралась утерянная драма, и населить ее персонажами карнавала, изображенного неким изобретательным наблюдателем человеческой природы с богатой фантазией, кем-то вроде Брейгеля или Лаури.

На нашей сцене имеются такие диковины, как крытые соломой хижины, похожие на шатры, фантастические звери, вырезанные на дереве или выгравированные на золоте, незамысловатые приспособления для пахоты и ткачества, поросшие травой курганы, скрывающие парусные корабли, достойные королей, и ландшафт со множеством названий холмов и полей, лесов и пустошей, ручьев и болот. Людей из массовки — жителей Британии тех беспокойных времен — мы видим порой за довольно странными занятиями: вот они пробивают яму в когда-то красивых мозаичных полах, чтобы устроить кузнечный горн, везут с другого конца света амфоры с оливковым маслом любимого сорта, проклиная воров или соперников в любви, поклоняются безголовым ходячим трупам, спорят о том, чьи именно цветы дали нектар, собранный их драгоценными пчелами.

Даже от отдельных стоп-кадров трудно оторвать взгляд: это обрывки истории, начало которой теряется во тьме, а конец описан несколько столетий спустя прославленным книжником раннего Средневековья Бедой Достопочтенным. Сей образованный и любознательный монах из монастыря Ярроу на реке Тайн, который знал о мире почти все, что только можно было знать в его время, решил написать о том, как англосаксонские

короли были избраны Богом, чтобы утвердить на острове единую общую церковь и создать единый народ. Он писал о нечестивых, глупых бриттах, которые, отвергнув благотворное влияние христианской Римской империи, отвернулись от Бога и от своих законных правителей и в итоге погрязли в междоусобицах и тирании. Он рассказывал о том, как предводители языческих германских племен начали войну против бриттов — и покорили их, как они создали новые могущественные королевства и как их, в свою очередь, обратили в истинную веру две христианские миссии, одна из монастыря на острове Иона, а вторая из Рима — примерно за три четверти века до Беды. История Беды убедительна — на самом деле это единственное достойное доверия повествование, не сгоревшее в тиглях раннего Средневековья Британии¹. Мы можем сомневаться в его мотивах и в некоторых из его источников, но даже Беда мало что мог сказать о полутора веках, отделяющих последние письменные донесения из римской провинции *Britannia* от прибытия из Рима на остров Танет миссии Августина² в 597 году: этим полутора векам посвящено всего девятнадцать строк из 300 страниц современного английского издания его «Церковной истории народа англоv»³. Однако даже если истинность рассказа Беды о том, как возникли первые христианские королевства, проверить нельзя, можно все-таки надеяться

¹ Под ранним Средневековьем я понимаю период между номинальным крахом Римской империи примерно в 410 г. до Нормандского завоевания 1066 г. Термин «темные века» можно применять только в отношении периода между 400 и 600 гг. Большинство ученых этот термин не любят. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

² Святой Августин Кентерберийский, монах монастыре Св. Андрея в Риме (ум. 604).

³ Беда умер в 735 г., через несколько лет после завершения «Церковной истории народа англоv», которая дошла до нас в нескольких ранних рукописях, а также доступна в бесчисленных современных изданиях.

обнаружить гудящий пощелкивающий механизм, который вдохнул жизнь в эту драму, увидеть ее действующих лиц и наблюдать их трагикомическую историю.

Завершающие эпизоды этой истории будут знакомы тем, кто читал мою книгу «Король Севера» (The King in the North). Здесь, однако, они поданы в ином свете — не с ретроспективной точки зрения Беды, оценивавшего события из своего VIII века, а в контексте эпохи возникновения новых институтов и социальных связей, хотя участники этих событий оставили нам очень мало свидетельств. Повествование здесь превратилось в созерцательную историю.

Можно начать с того, что ранним утром, поднявшись над облачками тумана, зацепившимися за деревни, леса, поля с аккуратными живыми изгородями и речные луга долины Уайли выше Хейтсбери (Heytesbury), пролететь на воздушном шаре над меловыми холмами Солсберийской равнины. Впереди на севере лежит громадное пространство, изрытое воронками от снарядов и исчерченное меловыми следами танков, выделяющимися на зеленом фоне. Глядя вниз, можно видеть красные флажки, обвисшие на столбах: напоминание, чтобы вы держались подальше, потому что эта земля принадлежит британской армии. Вдали приземистая квадратная каменная колокольня средневековой церкви в окружении надгробий и памятников гордо возвышается над кучкой домов и сараев: картина вне времени.

При более внимательном взгляде на деревушку Имбер (Imber), чье древнеанглийское название, означающее «пруд Иммы», объясняет причину ее давнего появления и долгого существования на этом сухом плато, вы поймете, что все не так, как кажется [1]. Это — деревушка-призрак. Здесь никто не живет, хотя очертания пруда, который наполняется за счет крошечного пересыхающего ручья,

все еще видны. Сохранившиеся здания защищены жестяными крышами. Раз в год, в сентябре, церковь заполняют прихожане, чтобы отметить день памяти ее покровителя, святого Джайлса (Эгидия). В этот день выстрелы на полигоне смолкают и слышны только церковные колокола, гимны и молитвы.

Имбер, символ мятущегося беспокойного мира XX века, впервые упоминается в грамоте короля Эдгара в 968 году [2]. Деревня пережила свой расцвет в начале XIV века, еще до того, как безжалостная Черная смерть выкосила треть населения Британии (и Европы). В 1943 году немногих оставшихся в деревне жителей выселили, чтобы разместить в домах дружественные американские войска: никому из местных так и не разрешили вернуться. Сейчас бывшая усадьба хозяина поместья, трактир «Белл Инн» и почта пустуют — кроме тех случаев, когда в ходе учений их требуется отбить у воображаемой армии другого государства.

На холмах Уилтшира есть и другие покинутые деревни, но их история гораздо более туманна. Менее чем в получасе полета воздушного шара на юг от Имбера мы увидим на пологом, залитом солнцем склоне безводной ложбины поросшие травой террасы, свидетельствующие, что некогда здесь было процветающее поселение. Нук-Даун (Knook Down), располагавшийся среди квадратных полей, неподалеку от неолитических длинных курганов, насыпей бронзового века и небольшого укрепления железного века, появился задолго до Имбера: на бриттском языке, от которого произошел средневековый валлийский, название *Стисс* означает просто «холм». В этом месте 1500 лет назад стояли две деревушки, и между ними была тропа, утрамбованная копытами многих ходивших по ней стад. Нук-Даун не раскапывали современными методами археологии, однако антикварию XIX века, узнавшие о наличии этого древнего

поселения благодаря усилиям кротов, выбрасывавших на поверхность монеты и керамику, порылись здесь своими лопатами. Они нашли следы домашних очагов, окрашенную штукатурку, основания печей для просушки зерна, а также украшения, относящиеся, если судить по монетам, ко II–IV векам н. э., когда Британия была ценной провинцией величайшей империи древней Европы [3].

Многие думают, что сельская местность Британии во времена Римской империи была усеяна вилами: особняками отставных военных, галльских чиновников, управляющих и представителей далеких императоров, местных богатеев, облачившихся в тоги. За три столетия римской оккупации были построены примерно 2500 роскошных вилл, многие из которых стали центрами обширных поместий. Однако археологические исследования, проводившиеся годами, показали, что такие резиденции были достоянием богачей, желавших продемонстрировать свой статус, и совершенно не типичны для жилого фонда римской Британии [4]. Сейчас на территории Британии известно около 100 000 сельских поселений, относящихся к периоду римского правления, причем многие — в таких районах, где никаких вилл не было. Сельские арендаторы и их несвободные подчиненные — батраки, гончары, ткачи, дровосеки и пастухи — жили со своими семьями по большей части либо на отдельно стоящих хуторах, либо в поселениях, включавших дома, загоны и подсобные строения. Эти поселения — например, на Солсберийской равнине — выглядят совсем как наши деревни с главными улицами, проулками и надворными постройками в окружении небольших полей и обширных открытых пастбищ за ними. Вероятно, и Нук-Даун в те дни отнюдь не был исключением.

По крайней мере еще одиннадцать, а может, и больше заброшенных деревень римского периода можно распознать на холмах Уилтшира по земляным сооружениям,

которые впоследствии использовали пастухи, а в наше время — военные. Ни одно из них не исследовано в должной мере: археологам интереснее изучать руины имперской Британии — виллы, форты, города, Адрианов вал, Антонинов вал. Очень жаль. Какие истории из жизни простых бриттов — недовольных подданных империи или ее счастливых граждан — ждут нашего внимания?

В Чарлтон-Даун (Charlton Down)¹ на северо-восточном краю Солсберийской равнины по заросшим травой насыпям, разбросанным по территории 26 гектаров, можно определить как минимум 200 дворов — немаленький римский город. Здесь жители устроили водоем для хранения драгоценной воды (возможно, именно поэтому деревня выросла до таких размеров) и, предположительно, для привлечения диких птиц, которых потом ловили в силки или били стрелами влет. Можно различить улицы, извиляющиеся между беспорядочно теснящимися домами, дворами и мастерскими. Многолюдный, шумный Чарлтон, наполненный запахами и звуками, доносившимися из хлевов и мастерских, наверняка был процветающим поселением: самым крупным во всей Британии в течение трехсот лет после ухода римлян. Даже поразительно большая монастырская община Беды в Ярроу по сравнению с ним выглядит скромно.

Дома, которые строились в Чарлтоне в течение трех с половиной веков римского правления, имели обычную для тех мест форму: круглые низкие каменные строения либо плетневые мазанки с коническими крышами, крытыми тростником или дерном. Вокруг них кипела жизнь: здесь стряпали, кормили младенцев, чинили и изготавливали инструменты, пряли... Дети гонялись друг за дру-

¹ Древнеанглийское *Ceorl-tun*: поселение керлов (простолюдинов, но не рабов).

Холмики и кочки, сохранившиеся на военном стрельбище, выдают местоположение крупной зажиточной бриттской деревни времен римского владычества

гом в проулках, родители бранили их — и одновременно настраивали ткацкие станки, стригли овец, створаживали молоко, подковывали скотину, вялили мясо на зиму. Утки крикали, свиньи хрюкали, волю мычали и фыркали, свежие кучи навоза испускали пар. Оставаясь у домашнего очага — центра жизни, — женщины все видели и обо всем знали. Фруктовые деревья цвели весной и приносили яблоки, сливы или мушмулу осенью, огороды, удобренные свиным, овечьим и козьим навозом, давали бобы, капусту, чечевицу, морковь, травы и репчатый лук (последнее — кулинарный вклад римлян). На полях попеременно выращивали то пшеницу или ячмень, то лен с нежно-голубыми цветами, который шел на изготовление льняной пряжи и льняного масла. Овцы паслись на окрестных холмах. Вес-

ной появлялись ягнята, в начале лета овец и баранов ощипывали или стригли, после чего выгоняли под присмотром пастухов на луга жиреть в теплые месяцы, а потом, когда начинались морозы и вершины холмов укрывал снег, возвращали в крытые загоны. Осень и зима — время молотьбы, заготовки запасов из излишков урожая, обрезки деревьев, ткачества, починки инструмента, рассказов у огня. Неотвязные мысли о неизвестном будущем, о судьбе, плодовитости и смерти заставляли людей приносить дары, давать обеты, читать заклинания, обращаясь к своему духовному пантеону — персоналиям римского, местного и, возможно, более экзотического восточного культов.

Пастухи, торговцы, мошенники, чиновники и сборщики налогов приходили и уходили, сплетники судачили о жизни друзей, врагов, возможных партнеров и родственников. На проходивших в свой черед праздниках и собраниях (нечто среднее между сельской ярмаркой и советом племени) разрешались споры, заключались браки, продавались и покупались кони, заключались и расторгались политические союзы. Новости о далеких событиях, должно быть, иногда доходили и сюда — огромные армии сражаются на границах чужих земель, очередной узурпатор смещает императора, орды варваров переправляются через Рейн, ирландские пираты похищают людей и живность из приморских и приречных селений, обесценивается монета, а вместе с ней и немногочисленные ценные безделушки, зарытые на заднем дворе... Ближе к дому: бунт в соседнем городе, назначение нового губернатора, известного своей жестокостью или продажностью, возведение городских стен... все это мало интересовало жителей меловых холмов, идущих с ведрами к деревенскому пруду за водой.

Почти ни в одном сельском поселении времен римского правления — будь то деревня, хутор или вилла — не обнаружено следов оборонительных сооружений или укреп-

лений¹. Это справедливо даже для последних десятилетий, когда Британия была «плодовита на узурпаторов» и подвергалась набегам со всех сторон [5]. Эта римская провинция, несмотря на большое количество преступников, тюрем, случаев самосуда и свирепых сторожевых псов, была (или считалась) безопасной землей, в целом спокойной и очень богатой.

Достаточно ли было окрестных пастбищ для благоденствия деревень на меловых холмах, или они в большей мере были связаны с внешним миром как центры производства гончарных и металлических изделий и, в первую очередь, тканей, предназначенных на продажу? Стал ли для них роковым ударом крах римской рыночной экономики? Когда-нибудь археологи смогут ответить на этот вопрос. Солсберийская равнина, где леса в основном были сведены еще задолго до нашей эры овцеводами бронзового века, активно обрабатывалась и в более поздние «доримские» времена, а также в течение всего периода римского владычества. Многолюдные деревенские поселения сами по себе говорят о процветании этого края. О том же свидетельствуют пустые безмолвные террасы и натоптанные дороги, которые сегодня видит воздухоплаватель. Но пока в этих деревнях не проведут раскопки, мы не сможем сказать, почему и когда их обитатели ушли, чтобы более не возвращаться. Очень редко археологам выпадает удача узнать (как в случае Имбера), что поселение полностью опустело в результате конкретного события, дата которого точно известна.

Помпеи, Геркуланум, удивительно хорошо сохранившиеся дома бронзового века в Маст-Фарме (Must Farm) на болотах в окрестностях Питерборо — редкие примеры, тра-

¹ Касл-Дайкс (Castle Dikes) в долине Моубрей к югу от Рипона в Северном Йоркшире — исключение: в какой-то момент позже II в. вокруг поселения была возведена солидная насыпь; само поселение было разрушено в конце III в.